

Глава I

В благословенный 1070 год от Рождества Христова¹ прохладным майским утром по пока безлюдным улицам Смоленска ехали два молодых всадника. Казалось, весь город был погружен в утренний сон. Служанки из богатых домов, стоявших по главной улице, еще не вымыли деревянные настилы перед крыльцом, торговцы не суетились на базарной площади, выкладывая товар. Лишь несколько ремесленников возились перед своими лавками.

Всадники добрались до главной площади города, где проходили вече — народные собрания — и обсуждались важные решения князя (на этих собраниях все свободные мужи имели право голоса). Они остановились перед роскошным деревянным дворцом, стоявшим рядом с собором. Это была резиденция князя Смоленского, молодого Владимира Мономаха, сына Всеволода Ярославича, великого князя Киевского, внука Ярослава Мудрого. Подъехав к высокому резному деревянному крыльцу, к которому был привязан прекрасный белый конь, они застыли в ожидании, не спешиваясь.

По их одеянию любой житель Смоленской земли мог бы узнать младших дружинников, отроков, которых также называли «руки князя». Эти воины собирали с князем дань, а во время войны составляли ударную силу княжеского войска.

---

¹ На Руси была принята византийская система летоисчисления «от сотворения мира», которая предполагала начало отсчета от пятницы, шестого дня творения, вычисленного как 1 марта 5508 г. до н. э., а впоследствии, после уточнения, как суббота 1 сентября 5509 г. до н. э. Летоисчисление от Рождества Христова и переход на юлианский календарь произошло в 1700 году.

Отроки были в длинных кольчугах, перехваченных на талии кожаными поясами с круглыми серебряными пластинами. Широкие штаны были заправлены в сапоги из мягкой кожи. Тонкая кольчужная бармица¹, спускавшаяся с черно-серебристых остроконечных шлемов на затылок и плечи, на груди была закреплена металлическими пластинами. Младшие дружинники были вооружены длинными плоскими мечами, а к лукам были приторочены боевые топоры. Дополняли облачение отроков короткие плащи из желтой паволоки², украшенные солнцем, вышитым красными нитями.

Ждать им пришлось недолго. Вскоре на крыльцо вышел третий дружинник, коротко приветствовал их, отвязал белого жеребца и вскочил в седло.

Он выглядел лет на десять старше своих спутников и слегка хромал. Одет он был так же, как и молодые люди, только плащ был белым. Эта деталь, равно как дорогой меч и боевой топор с рукоятью, украшенной драгоценными камнями, свидетельствовали о его принадлежности к старшей дружине.

— Нельзя ли узнать, какое поручение на нас возложено, боярин Артемий? — спросил один из отроков, крепкий белокурый молодец, восседавший на серой в яблоках лошади с широкой грудью, крепкой, как скала.

— Потом, когда выедем из города, — ответил старший дружинник.

Артемий кивнул, подавая знак к отъезду. Трое всадников галопом пересекли площадь и промчались по центральным улицам города. Копыта лошадей звонко цокали по деревянной мостовой, пугая ленивых ремесленников, не спешивших открывать двери лавок.

Проехав по лабиринту улочек с палисадниками, троица добралась до южных ворот. Стражник на сторожевой башне наклонился, чтобы лучше разглядеть всадников. Узнав дружин-

¹ Бармица — элемент шлема в виде кольчужной сетки, обрамляющий его по нижнему краю. — *Примеч. пер.*

² Паволока — шелковая тонкая дорогая привозная ткань в Киевской Руси.

ников, он приветствовал их и приказал открыть ворота. Выехав за городские стены, мужчины быстро спустились по холму и свернули на дорогу, ведущую в лес.

— Мы направляемся к Рше¹. Вам, несомненно, знакомо это поселение на пути из варяг в греки, — сказал Артемий, когда они выехали на опушку леса и были вынуждены придержать лошадей. — Нам понадобится менее чем полдня, чтобы добраться до него по большой дороге, если срезать путь по проезжим тропинкам. Таким образом, мы будем на месте довольно рано, и у нас будет достаточно времени. Так вот в чем состоит наше поручение...

Обращаясь к отрокам, Артемий не переставал думать о поручении Мономаха, призвавшего старшего дружинника к себе ночью. Дело было серьезным. Князь узнал, что накануне недалеко от поселка на Каспле был убит его друг, боярин Алексей. Он занимал должность хранителя библиотеки, поэтому Владимир принял Артемия в книгохранилище, которое располагалось в просторном помещении на втором этаже дворца.

Артемий вновь мысленным взором пробежал по высоким, до потолка, стеллажам. Тяжелые манускрипты в золотых и серебряных переплетах — подарки басилевсов² Царьграда, а также более скромные на вид книги: стопки толстых шероховатых листов пергамента, папируса, наконец, свитки бересты. Последние были созданы на Руси. У отца Владимира, Всеволода Ярославича, в Киеве было богатейшее собрание книг, перешедшее от деда — Ярослава. А книги в Смоленске были куплены или переписаны по приказу Мономаха, который, несмотря на юный возраст, пользовался репутацией книголюбца.

В библиотеке витала аура таинственности, которая усиливалась благодаря странному аромату — смеси запаха пергамента и пучками лежавшей между манускриптами полыни. Дикорастущие степные травы предохраняли сокровища цивилизации

---

¹ Рша — древнее городище на Днестре на пути из варяг в греки, расположенное на месте современной Орши.

² Басилевс — монарх с неограниченной властью в Древней Греции, а также титул византийских императоров. — *Примеч. пер.*

от червей и личинок. Если бы не скрип перьев двух писцов, трудившихся денно и ночно, в библиотеке стояла бы абсолютная тишина. Эта умиротворяющая атмосфера резко контрастировала с хмурым, осунувшимся лицом князя, на котором прощательный Артемий разглядел следы слез.

Введя старшего дружинника в помещение, князь отослал писцов и проверил, хорошо ли заперты железные ставни на узких окнах. Только тогда он поведал своему советнику все, что было известно. Хранитель библиотеки с торговым караваном был отправлен в Царьград — Владимир поручил приобрести редкие греческие книги. С этой задачей ученый успешно справился. На обратном пути, когда караван двигался через Ршу, ученый боярин по неизвестной причине остановился в пустыни недалеко от города и решил там переночевать. Об этом попутчики хранителя библиотеки, приехавшие в Смоленск два дня назад, сообщили Владимиру, а также передали ему бесценный груз, который боярин им доверил перед тем, как расстаться.

Князь с перечнем в руках лично проверил содержимое всех сундуков: манускрипты были на месте. Зная, насколько боярин любопытен, Владимир подумал, что тому захотелось познакомиться с книгами, которые хранились в пустыни. Но на следующий день, ближе к вечеру, дружинник, находившийся в Рше с поручением, принес князю дурную весть: ученый муж был найден убитым между пустынью и большой дорогой, ведущей в Смоленск. В тот же вечер, тщательно обдумав дело, Владимир решил поручить расследование Артемию.

— Итак, речь идет о том, чтобы найти убийц боярина, — пробормотал белокурый богатырь, теребя курчавую бороду. — Мне понятна печаль князя. Он столь молод и потерял верного друга и слугу!

— Митько, твой язык более проворный, чем твой меч! Хватит перебивать боярина! — возмутился Василий, второй отрок.

Выступающие скулы и раскосые глаза выдавали степное происхождение дружинника. Отец Василия, половецкий хан, в свое время стал союзником Руси, а потом женился на боярышне из русов.

— Право, все гораздо серьезнее, — согласился дознаватель Владимира. — Разумеется, князь опечален гибелью друга, но самое ужасное заключается в том, что при хранителе библиотеке была личная печать князя. Князь отдал ее, чтобы ученый мог купить особые манускрипты. Кроме того, при библиотекаре было несколько золотых монет. И они, и печать исчезли. Вероятно, их унес убийца. Или убийцы...

— Преступники должны дорого заплатить за злодеяние! — воскликнул Митько. — Княжеская печать — столь могучая вещь, что в день, когда их будут судить, князь наверняка соберет суд и всех старших дружинников! Как думаешь, боярин, смогут ли на этот раз разбойники отделаться вирой? Когда мы расследовали последнее преступление, мне было тяжело видеть, как купец, виновный в жутком злодеянии, спокойно заплатил десять гривен и покинул суд, чтобы жить так, словно ничего не произошло!

— Вы, как и я, знаете, — тихо возразил Артемий, — что мы живем по «Русской Правде»¹. Худшим наказанием для преступника, не способного заплатить виру, является утрата свободы. Что может быть хуже жизни холопа? В деле, которое нам предстоит расследовать, с убийством княжеского мужа, боярина, плата — двойная вира. И, думаю, так как боярин — друг князя, убийце следовало бояться не виры, а меча, если бы у покойного была семья. Но боярин был холостяком, а его родители умерли два года назад, и кровной мести требовать некому.

— Таким образом, — вздохнул Митько, — мы уверены только в одном: дело будет рассматриваться княжеским судом.

— Не надо забывать, — уточнил Василий, — что убийство боярина — само по себе тягчайшее преступление — еще сильнее отягощено ужасной кражей, ведь преступники забрали не только золотые монеты хранителя библиотеки, но и часть имущества самого князя! Возможно, Владимир назначит более суровое наказание, чем это предусмотрено законами.

---

¹ «Русская Правда» — сборник правовых норм Киевской Руси. — *Примеч. пер.*